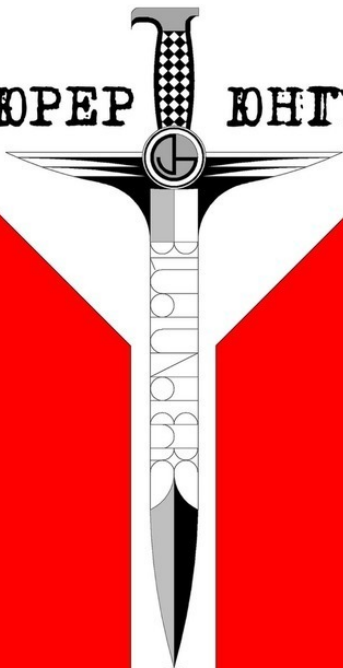

ИВАН ПЛАХОВ

Д Н Е В Н И К

ФЮРЕР ЮНТЕ

ИЛИ

ХРОНИКИ С ПЛАНЕТЫ НИБИРА

Иван Степанович Плахов

Дневник фюрерюнге, или Хроники с планеты Нибира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828809

ISBN 9785449046109

Аннотация

Антиутопия о планете Нибира, на которой течет параллельная история, альтернативная той, что происходит на нашей Земле. В книге описаны приключения германского подростка, случившиеся во время его первого посещения Сибири, изобличающие абсурд и бесчеловечность расизма и национализма. Что было бы, если бы русские проиграли Вторую мировую войну, как сложилась бы их судьба через пятьдесят лет после поражения?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1	10
2	18
3	26
4	31
5	35
6	40
7	49
8	58
9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дневник фюрерюнге, или Хроники с планеты Нибира

Иван Степанович Плахов

© Иван Степанович Плахов, 2018

ISBN 978-5-4490-4610-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИВАН ПЛАХОВ

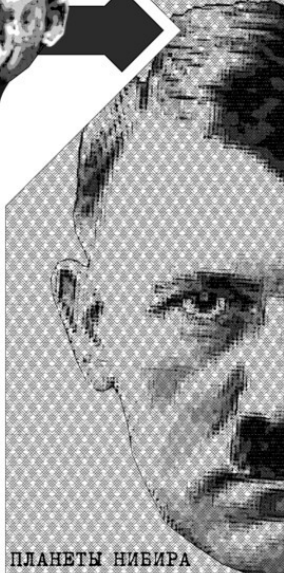
ДНЕВНИК

ФЮРЕР

ЮНГЕ

ИЛИ ХРОНИКИ С

ПЛАНЕТЫ НИБИРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга наглядное доказательство того, что планета Нибира существует. До сих пор никто не верил, что есть противоземля, точная копия нашей планеты, расположенная на той же орбите, что и Земля, позади Солнца. 10-я планета легендарных пифагорейцев. Ее впервые открыли древние шумеры, используя галлюциногенные грибы, благодаря которым они совершали свои психоделических путешествия, беспрепятственно бороздя просторы ментальной вселенной, случайно наткнувшись на нее во время облета Солнца, и вступили в контакт с ее жителями. С этого момента истории наших планет переплелись в одно целое, являясь зеркальным отражением друг друга. Оказалось, что на Нибура те же события, что случаются на Земле, имеют прямо противоположные последствия. Например, после смерти Цезаря в Гражданской войне победил Брут, женился на Клеопатре и провозгласил себя Августом и Отцом отечества, Цицерон умер своей смертью, а Октавиан и Антоний были казнены как мятежники. Отечественную войну 1812 года выиграл Наполеон, породнился с русским царем, женившись на его сестре Анне, и освободил крестьян в России на 50 лет раньше, чем у нас на Земле отменили крепостное право. Триумфатором во Второй Мировой Войне оказалась Германия, Британская империя распалась, а Америка капитулиро-

вала после ядерной бомбардировки Нью-Йорка и Вашингтона. В общем, герои те же, но сценарии разные.

Этот дневник является любопытным свидетельством отчета подростка о своей ознакомительной поездке в Сибирский комиссариат в форме аудиодневника, радиотрансляция которого причудливым образом достигла нашей планеты и застряла в ее информационном поле, пока не была уловлена и записана во время спиритического сеанса, длившегося около 5-ти часов без перерыва. Контактер-медиум 7-го уровня масонской ложи «Великая ложа Асгарда» в состоянии глубокого медикаментозного транса надиктовал все, что слышал в измененном состоянии своего сознания.

Все совпадения названий стран, народов, политических организаций или имен не имеют ничего общего с нашей действительностью, т.к. отражают параллельную реальность альтернативной исторической парадигмы. Благодаря этому мы можем наглядно увидеть, к чему на деле могут привести те или иные политические идеи, не получившие своего развития или отвергнутые на нашей планете. И на что способны те или иные народы, волею случая оказавшиеся в других исторических обстоятельствах, но не изменившие своим природным инстинктам и способности к выживанию. Ведь все предают Бога, но никто, кроме нас, русских, из этого не делает трагедии. Взглянуть на человека глазами животного дорогого стоит. Например, как воспринимает человека лев? Он воспринимает его как одушевленное и равное ему во всем

существо или для него человек всего лишь говорящий обед, которым он удовлетворит свой голод? В отличии от животных люди единственные на Земле твари, практикующие каннибализм в разных его формах. А если это так, то лучше ли мы животных, если поедаем сами себя и себе подобных?

Я не знаю правильного ответа на этот каверзный вопрос, но верить в то, что человек произошел от обезьяны считаю абсурдным: обезьяна как животное слишком хороша, чтобы быть нашим предком. И эта книга наглядное тому доказательство. Перед нами бесценное свидетельство чужого духовного опыта члена общества, в котором не существует общепринятой человеческой морали, где царствуют законы расовой сегрегации. Мир без совести и упрека. Настоящая антиутопия.

Настоящий мир – наилучший.

Бог, создавая мир, имел возможность различных вариантов, он мог бы создать мир без зла, но почему он создал мир таким? Другой мир был бы несовершенен.

В. Лейбниц

Явно софистическому доказательству Лейбница, что этот мир – лучший из возможных миров, можно со всей серьезностью и честностью противопоставить доказательство, что этот мир – худший из всех возможных миров. <...> И этот мир устроен так, чтобы только кое-как сохраняться; если бы он был хоть несколько хуже, он уже не мог бы существовать.

Следовательно, мир хуже нашего невозможен, так как он не мог бы существовать и, таким образом, наш мир – худший из возможных.

А. Шопенгауэр

Где нетопыри висят опрокинуто, подобно сердцу современного русского. <...> Где Россия произносит имя казака, как орел клетот. <...> Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве во время пожара Москвы.

В. Хлебников

1

Глупо, глупо пытаться начать книгу без сюжета, без хотя бы какого-то плана на будущее. Если честно, то я даже не знаю, сумею ли эту книгу закончить, так как еще никогда книг не писал. Хотя, как правило, самые глупые вещи в конце концов оказываются самыми правильными из всего, что в жизни приходится делать.

Позвольте представиться: зовут меня Ганс Мюллер, я роттенфюрер из фюрерюгенда. Скоро, когда сдам экзамены на расовую зрелость, стану кандидатом в штурмовики с испытательным сроком два года. Я ариец. Арийцы – славная раса. Они завоевали эту землю, чтобы расширить жизненное пространство германской нации. Мы – наивысший тип развития белого человека.

В школе оберфюрер Йохан Вайс говорил нам, что германский социализм – это не политическое, а биологическое учение, в основе которого лежит знание законов Менгеле и Хёрбигера. С их помощью мы легко изменим мир – так, как нам надо.

Странно, что раньше, до создания нашей империи, никому в голову не приходило улучшить человеческую породу. Ведь люди – это те же звери, приспособленные выживать в разных климатических условиях. Итальянцы, например, из-за их мягкого климата совершенно не способны править

миром. Предпочитают макароны и вино всему остальному. Дуче так и не сумел отучить итальяшек от этой пагубной привычки – наедаться до отвала вареным хлебом. Поэтому и режим у них ненастоящий: кроме униформы и лозунгов, ничего общего между нами нет. Они даже в христианского бога по-прежнему верят, считают нормальным каждый день ходить в церковь...

Чудаки! Наука и фюрер доказали, что никакого бога не было и нет. Есть лишь господа и рабы. В этом мире выживает только сильнейший. Я лично мечтаю положить свою жизнь на алтарь германской расы, принести себя в жертву моему фюреру и народу! Для нас, истинных арийцев, долг превыше всего. Кровь в нашей жизни определяет всё. Не случайно во всех языках есть такое понятие, как кровное родство. Все мы, граждане Рейха, – единый народ, единое государство, во главе которого всегда стоит один вождь – наш любимый фюрер.

С тех пор как мы завоевали всю Европу и Азию, прошло всего-то пятьдесят лет – а каких высот добился мой народ на этой территории! Мы наконец создали надежную сельскохозяйственную базу, благодаря которой в Рейхе навсегда исчезли голод и нужда, покрыли все земли сетью городов и поселений, в каждом из которых теперь живут сотни тысяч счастливых германцев... Честное слово, когда я начинаю об этом думать, у меня на глаза от избытка чувств сами собой наворачиваются слезы радости за нашего фюрера и его

арийский гений. Какая удача, как нам повезло! Наш фюрер преодолел все трудности на пути германского народа к вершинам мира. Если бы не он – сложно представить, что ждало бы Германию в нынешнем, 1994 году. Жалкое прозябание. Нищая третьеразрядная страна без армии и флота.

Теперь настали времена «восхищения и натиска». Мы – владыки всего цивилизованного мира. Над нашей империей никогда не заходит солнце: по всей Земле, от Японии до Аргентины счастливые германцы теперь свободно трудятся на благо тысячелетнего Рейха. Наши победоносные войска по-прежнему ведут успешные кампании в Атлантическом и Тихом океанах, истребляя остатки войск американцев и их союзников. Те до сих пор пытаются нарушить границы Рейха, установленные трехсторонним договором стран-победительниц от 44-го года.

Поистине XX век стал веком нашего триумфа. Германия первой в мире создала абсолютное оружие. Германия отправила белого человека на Луну. Вот как много значит расовая гигиена – соблюдение элементарных норм размножения народа. Оберфюрер Вайс на уроках биологии всегда приводит нам в пример Древний Рим. Из-за неразборчивости его жителей в расовой политике древнеримская раса быстро выродилась и пала под ударами наших великих, хотя и не очень образованных германских предков. Мы не должны повторять ошибки других, а последние достижения евгеники открывают перед нашим народом поистине безграничные пер-

спективы.

Сам я, к слову, – образцовый результат реализации плана профессора Менгеле «Драконья кровь». На всех вновь занятых землях восточнее Одера немцев массово разводили в родильных фабриках. Сперму и яйцеклетки брали у чистокровных арийцев, прошедших тщательный отбор в Берлинском институте антропологии и евгеники имени Кайзера Вильгельма. А в качестве суррогатных матерей – инкубаторов использовали женщин покоренных народностей.

Я не знаю отца и матери: сразу же после родов меня забрали на воспитание в приют Трудовой армии, но горжусь тем, что в моих жилах течет настоящая арийская кровь. Моя семья – это весь наш класс, а родители – все мои учителя и воспитатели, начиная с фрау Хелены и заканчивая директором Грюнвалем, обучившим меня всему, что я знаю.

После школы мне предстоит ответственная и нелегкая работа: руководить трудовым отрядом славян-рабочих. Для этого я должен хорошо знать их язык и обычаи. Это мне даётся нелегко. Мальчишки из соседней школы считают, что знание любого языка, кроме германского, унижает настоящего арийца. «Чужая речь оскверняет наш язык», – говорил когда-то один из основоположников Рейха, но знание языка рабов меня рабом не делает.

Славяне не настолько глупы, как думают обычные немцы. Наоборот, они хитры, вероломны и лживы, к тому же до сих пор верят в своего бога. Их узкому, неразвитому уму не до-

ступна мысль фюрера, земного воплощения древнего арийского бога Вотана, что в поединке между богом и человеком победил человек, ставший сверхчеловеком. Но мы – их господа, мы должны быть умнее. Здравый смысл подсказывает, что рабская вера нам выгодна. Она говорит, что всякая власть от бога. Священники уговаривают славян служить нам и не чинить никаких препятствий.

Хотя что они могут сделать! Оружия у них нет, воевать они не умеют: разве что ломают в знак протеста инструменты, пытаясь бастовать и отлынивать от работы. Дурное племя. Иногда министерство по эрзац-народам проводит среди них плановые чистки, организуя инфекции и массовый мор, но это не приносит видимых результатов: популяция довольно скоро восстанавливается в прежнем объеме.

Фрау Хелена говорит, что славянские бабы – самые плодовые и любящие самки из всех рас. Крайне любопытно взглянуть на них, этих баб. У нас в приюте женщин нет, если не считать фрау Хелены и двух ее помощниц. Мы воспитываемся по законам платоновского «Государства»: без отцов и матерей, а право встречаться с девушками-немками получают только те из нас, кто становятся штурмовиками. Это означает, что первую свою девушку я смогу увидеть в лучшем случае через три года, когда мне будет двадцать лет и меня примут в штурмовики после успешно пройденного испытательного срока.

Раньше, до повсеместной отмены института семьи в Рей-

хе, у немцев были отцы и матери, а дети учились вместе – и мальчики, и девочки. Но это привело лишь к социальному и половому неравенству. Гений фюрера отменил устаревший социальный институт семьи и заменил его на современный. Теперь мальчики и девочки воспитываются раздельно в специальных приютах, где их растят как членов одной семьи – любой немец в соседе видит своего брата, а в соседке – сестру.

Благодаря половой дисциплине и воздержанию качество немецкого народа необыкновенно повысилось. За политику размножения теперь отвечает министерство здравоохранения и расовой гигиены: в отцы и матери отбираются только лучшие из лучших, чье физическое и психическое здоровье безупречно. Возможно, когда-нибудь и я войду в число тех, кто имеет право участвовать в воспроизведении германского народа, но пока до этого так же далеко, как до Луны.

Собственно, написать эту книгу я захотел потому, что сегодня меня ждет особенный, самый сложный день в жизни. Момент истины. От того, как он пройдет, зависит вся моя дальнейшая судьба. Мне предстоит впервые увидеть славян воочию, встретившись с ними лицом к лицу на их территории, и убить одного из них. Я должен сделать это сам, чтобы доказать свое превосходство, доказать – прежде всего самому себе, что я выше сострадания к рабам. Вся моя жизнь была подготовкой к этому дню.

Меня честно предупредили, что не все с этим справляют-

ся. Славяне внешне ничем не отличаются от нас, они похожи на людей. Но я не верю, что они подобны нам, арийцам, иначе они бы угнетали нас, а не наоборот. Выживает сильнейший. Это закон природы, и отрицать его – полное безумие. Я хочу запечатлеть этот день навсегда. Мне поможет мозгоконтролер и редактор мыслеформ, который будет фиксировать все мои мысли и переживания и переводить их в слова.

Я не хочу проявлять слабость и начать записывать уже после того, что со мной случится. Не хочу невольно редактировать историю самого лучшего события в жизни.

P. S. Расшифровка мыслеформ со считывающего устройства Gedankenleser 404-Z фирмы Volks-Beobachter GmbH осуществлена в виде словесных и мысленных диалогов. Перед ними указан язык, на котором велась речь. Сохранена неправильность грамматических выражений и слов. Лингвистические формы, значение которых непонятно субъекту, транскрибированы латиницей так, как они были им услышаны. При литературном редактировании удалены моторно-рефлекторные и неструктурные внутренние мыслеформы как засоряющий фоновый материал повествования (всё, что касается первой сигнальной системы человека, – условно-рефлекторных связей, автоматически формирующихся в коре головного мозга при воздействии на рецепторы раздражений, исходящих из внешней и внутренней среды).

Для удобства восприятия материал автоматически разбит

на главы, каждая из которых строго соответствует временной последовательности восприятия происходящего сознанием дешифруемого субъекта.

Немецкая речь

«Когда я гляжу сверху на красоты нашей родины, на безграничность ее просторов, меня охватывает гордость за то, что эти земли вечно будут принадлежать нам, немцам, благодаря гению фюрера».

– Далеко летите?

– В Герингбург.

– Ого, далекоовато! Это же за Уралом, на севере Сибири.

– Да, я еду туда для знакомства со славянами. В первый раз.

– Если вы еще ни разу не были в Сибирском комиссариате, то это на вас, мой милый друг, произведет сильное впечатление. Как вас зовут?

– Ганс. Ганс Мюллер. Роттенфюрер из фюрерюгенда, Данцигский 12-й приют Трудовой армии.

– Очень рад. Позвольте и мне представиться: Вальтер Циммерман, предприниматель. Помогаю строить дороги в Сибири.

– Разве дороги не в зоне компетенции Восточного министерства?

– А вы, я смотрю, юноша осведомленный. Да, конечно, прокладывают дороги и инфраструктуру подразделения рейхсминистерства. А мы им поставляем строительные ма-

териалы и технику по госконтрактам.

– Простите меня, господин Циммерман, но зачем вам нужно быть частным предпринимателем? Разве не лучше работать в одном из министерств Рейха и приносить там пользу нашей державе?

– Ах, милый Ганс, мой друг. Я, в отличие от вас, из поколения немцев, выросших при старом режиме. У меня были когда-то папа и мама, сестра и брат. Поэтому я предпочитаю ездить на персональном «Майбахе» и жить в собственном доме с прислугой из трех человек. Казенные «Фольксвагены» и гостиницы не для меня. Я таким вырос, еще до того, как возникло ваше поколение новых немцев из пробирок рейхсфюрера Гиммлера. Не спорю, идея разводить немцев как племенной скот вполне себя оправдала, но я предпочитаю старый добрый способ зачатия детей в постели.

– Но это же отныне строжайше запрещено?

– Потому я и живу один. Для немца закон есть закон. Максимум, что я себе могу позволить, – это посещать бордели в Герингбурге, когда бываю там по делам моей фирмы. Кстати, вы сами-то не планируете экскурсию в один из них? Могу дать пару адресов. Там узнаете, на что способно ваше тело помимо того, чтобы служить фюреру и Рейху.

– Какие ужасные вещи вы говорите, господин Циммерман! Я же член юношеской партии национал-социалистов, мы давали клятву на верность фюреру и Рейху.

– Сколько вам лет, милый Ганс?

– Уже семнадцать. Через два месяца буду сдавать экзамен на расовую зрелость.

– Ну а мне уже шестьдесят два года. Я родился в Дармштадте в 1932 году, за год до прихода партии к власти. В семь лет, когда я пошел в первый класс гимназии, началась Великая война. Для меня, маленького мальчика, ничего не предвещало грандиозных перемен, которые случились в следующие десять лет. Триумфальная победа Германии и союзников над Англией и Америкой, захват Британских островов и ядерная бомбардировка Вашингтона и Нью-Йорка, заключение Токийского мирного договора 1944 года и раздел мира с установлением вечных границ Рейха... В 1949 году в 17 лет я должен был окончить гимназию. Тогда фюрер провозгласил новую национальную политику. Институт семьи на территории Рейха был отменен, и я лишился права называть отца и мать родителями. Все немцы стали соратниками и друзьями, а иметь детей разрешалось лишь самым достойным – разумеется, членам партии. А я, знаете, в партии никогда не состоял. Моя мать, на четверть француженка, происходила из Эльзаса, и стать отцом я по закону не мог. Меня, такого же юного, как и вы, тогда это мало волновало. Больше всего было обидно, что отныне я стал сиротой при живых родителях, брате и сестре. Понимаете, я ничего не имею против партии. Я, как и фюрер, считаю, что только Германия была способна спасти цивилизованный мир от краха перед идеей коммунизма. Мы спасли Европу и мир, победили всех

врагов... Но зачем было нужно лишать меня родителей? Почему наши чувства стали вне закона?

– Вы что же, господин Циммерман, подвергаете сомнению решения фюрера и партии?

– Упаси боже, мой юный друг! Я первым готов кричать. «Да здравствует фюрер», но зачем у меня отняли отца и мать сразу после школы? И не только у меня, юный Ганс, заметьте! Восемьдесят миллионов немцев, молодых и старых, начинающих и заканчивающих жизнь, одним росчерком пера нашего любимого фюрера лишились семей во имя интересов Рейха и партии.

– Я намного моложе вас. И странно мне объяснять вам, почти старику, что германский социализм – это не что иное, как прикладная биология. Сверхлюдей объединяет не любовь или ненависть, а долг и раса.

– Неужели вы, столь молодой человек, ничего и никого не любите?

– Я вас плохо понимаю, господин Циммерман. Что это значит?

– Вы должны любить, Ганс! Ведь любовь – это лучшее, что случается с человеком.

– Я не знаю такого чувства. В приюте нас учат повиноваться, а не любить. Любовь – удел славян или поляков. А это слово устарело, оно выходит из употребления. Вместо него мы говорим «нравится».

– Хорошо, я объясню. Это чувство доставляет нам мак-

симальное удовольствие. Ради него человек готов отказаться от всего остального. Слово «нравится» здесь совершенно не подходит.

– Тогда считайте, господин Циммерман, что я люблю только Рейх и фюрера. Это единственное, ради чего я готов отказаться от всего.

– Как жаль, как жаль... Похоже, ваше поколение, сконструированное в недрах министерств здравоохранения и госбезопасности, не способно понять таких, как я, ретроградов. Единственное, что остается мне в этой жизни, – заниматься моим садом в пригороде Майнца и услаждать плоть в борделях Герингбурга во время деловых визитов в Сибирь.

– Но ведь это государственное преступление!

– Только не в борделях Рейха, мой милый юный Ганс. Вы, в сущности, еще ребенок и мало знаете о биологической природе мужчин. Вам неведомо, что после взросления им нужно удовлетворять потребность в размножении. Как? Периодически сношаясь с женщинами. Запрет чреват большими неприятностями для режима. Но жениться на территории Рейха запрещено, а гомосексуализм – еще большее преступление, чем просто беспричинная любовь между мужчиной и женщиной. Так что остается одно: посещать бордели. У любого немца старше двадцати одного года есть право пятнадцать раз в месяц бесплатно наведываться в публичные дома. Вы не знали? Неудивительно. Это не входит в программу подготовки вас к будущему служению Рейху. В приютах

о таком не говорят. Но когда у вас появится возможность воспользоваться этим правом, вы поймете, что это лучшее, что у вас есть.

– По-моему, вы абсолютно неправы, господин Циммерман. Когда мне будет двадцать лет я впервые встречусь с одной из воспитанниц, прошедших подготовку в Союзе немецких девушек. Наш оберфюрер Йохан Вайс говорит, что нет ничего прекрасней для настоящего арийца, чем совместные занятия спортом и трудом с достойной его девушкой. Так мужчина может наглядно показать, на что он способен, проявляя благородство перед избранницей.

– Что за ерунда? Какой чепухой вам забивают голову в ваших приютах! Вы что же, мой юный друг, действительно верите, что идеальная немецкая женщина – это обязательно воспитанница «Веры и Красоты»? Что союзы готовят из них идеальных немецких женщин для идеальных немецких мужчин? Да черта с два! Их основная задача – хоть чем-то занять несчастных баб, которым отказали в праве на материнство, заменив его родильными фабриками Гиммлера. Все эти массовые занятия спортом, бесконечные фестивали и шествия – зачем? Чтобы отвлечь их от прямой биологической обязанности – рожать и воспитывать детей. В обществе идеальных мужчин женщинам теперь не место. Все заняты тем, что делают карьеру, выслуживаясь перед партийным начальством. Немцы даже пиво перестали пить, черт побери, представляете? А, вы же не представляете! Фюрер создал мир сверх-

людей, где нет места человеческим слабостям – обжорству, разврату, пьянству, лени... Он сделал то, что не смогла сделать католическая церковь за две тысячи лет, – отменил все человеческие грехи. Но все не могут соответствовать столь высоким требованиям, которые предъявляет Рейх к человеку. Что делать остальным?

– Я не знаю, господин Циммерман. Я еще только ученик. Но вы можете переселиться в анклав простых немцев или в ту же Швейцарию, где не действуют законы Рейха. Места для слабаков. Их мы, граждане Рейха, имперские немцы, презираем. Вы что, такой же отщепенец?

– Нет, нет, что вы, нет! Черт побери, абсолютно нет. Рейх для меня – это всё! Я осознаю, что быть богом – это тяжело, но я хочу, я желаю быть богом для других. Мы, немцы, призваны править миром! Это право дал нам фюрер. И раз меня ради этого права лишили чего-то, я взамен хочу получить всё, что мне полагается.

«Надо же! Как старикан перепугался, что его депортируют к несогласным. Как странно, глядя на него, осознавать, насколько ничтожна жизнь человека без служения обществу. Насколько ничтожны интересы отдельной личности по сравнению с устремлениями реализовать идеи фюрера, пусть даже ценой жизни. Как странно сознавать, что до сих пор целое поколение немцев живет мелкими интересами удовлетворения личных потребностей. Как же все-таки велик гений фюрера! Он сумел изменить ход истории человечества, освободо-

див его от иллюзий достижения личной свободы в ущерб интересам коллектива. Зачем нужна семья? Все немцы – братья по крови, объединенные волей партии и вождя править миром, переделывая его и улучшая».

– Почему вы молчите, Ганс? Неужели вы не верите в то, что Рейх для меня – это всё, а фюрер – мой Бог?..

– Господин Циммерман, кто я такой, чтобы ставить под сомнение вашу веру? Я ведь всего лишь ученик. Я впервые самостоятельно путешествую в Сибирь, где должен встретиться со славянами и доказать свое превосходство над ними. Поймите меня правильно и позвольте впредь не отвечать на ваши вопросы.

– Вы на редкость, не по годам развитой молодой человек. Вас ждет великое будущее, Ганс. Желаю удачи в вашей миссии. И простите за излишнюю словесную несдержанность. Знаете, за стариками водится: любим поговорить.

Немецкая речь

«Как странно наблюдать с высоты причуды земного рельефа, расстилающиеся под нами. Как все-таки обширна и не освоена та земля, что передана нам навечно в управление первым фюрером. Какой контраст между ухоженными полями Европы и дремучими лесами Азии. Даже Гиперборейские горы – бывший Уральский хребет – совсем не похожи на Альпы. Альпы исхожены вдоль и поперек, пронизаны железными и шоссейными дорогами. А здесь... Как много нам еще предстоит сделать на этой земле, как много!

Высота пять тысяч метров. Мы летим над Московским морем. На месте снесенной варварской столицы – мемориал фюрера. Как здорово наблюдать отсюда грандиозный монумент, воздвигнутый в честь нашей победы в Великой войне. Циклопическая фигура арийского воина попирает мечом пятиконечную коммунистическую звезду. Он столь велик, что даже отсюда, из-за облаков, во всех подробностях можно разглядеть черты его сурового лица и складки одежды. Ничего величественней я в жизни не видел. Легко представить, какое неизгладимое впечатление он производит на любого путника, взирающего на него снизу.

Вальтер спит. Заснул после пятого стакана «Асбаха», жадно выпитого во время обеда. Мерзкий старикан. Громко хра-

пит, раззявив слюнявый рот, и шмыгает. Он чем-то напоминает мне нашего сторожа Уве Фромаде – туповатого швабского крестьянина. Такой же жадный и трусливый. Как все-таки правильно поступила наша партия, лишив его права на размножение. Прилечу в Герингбург и обязательно напишу рапорт встречающему оперуполномоченному. Изобличу идеи мерзкого клеветника о расовой политике Рейха. Это мой долг – выводить на чистую воду инакомыслящих, изолируя их от общества добропорядочных граждан. Кстати, в рапорте надо будет особо указать на то, что старикан посещает бордели со славянскими проститутками в Сибирском комиссариате. Нарушать закон о кровосмешении никому не позволено. Неважно, где находится публичный дом. Это, в конце концов, оскорбление всех немцев, а не просто физическая слабость отдельного человека. Национальность накладывает на нас особые требования вне зависимости от возраста и воспитания. Если бы не верность основополагающим принципам Рейха, то нас бы давно завоевали иудеи-американцы.

Интересно, слушает ли этот старикан вражеские голоса? Собирает ли пластинки с рок-н-роллом? Говорят, в Сибирском комиссариате купить их так же легко, как апфельвайн во Франкфурте-на-Майне. Ребята просили привезти последние диски Элвиса Пресли, Луи Армстронга, «Yes» и «Чикаго». Даже денег дали – целых триста рейхсмарок. Как все-таки странно: здоровое, выверенное искусство Берлинского мюзик-холла в молодежной среде непопулярно, его разве что

слабоумный не высмеивает. А извращенная музыка американских дегенератов пользуется бешеным успехом. Интересно, будет ли у меня свободное время, хотя бы часа три, чтобы сходить в кино: посмотреть запрещенного Чарли Чаплина и Мэрилин Монро? В Герингбурге американские фильмы вполне легально крутят везде, где есть доступ славянам. Умники из министерства Рейхбезопасности убеждены, что разлагающее влияние дегенеративного американского кинематографа подрывает нравственные устои славян. По мне, очень странная позиция – глупо беспокоиться о растлении рабов, ведь они от рождения лишены морали.

Интересно, а какие они, эти славяне? Тот же Дитер говорил, что на самом деле не мы, а они – истинные арийцы. И что если бы не наша победа в Великой войне, то неизвестно, кого бы из нас объявили недочеловеками. Прямо скажем – государственно опасная точка зрения. За такие взгляды можно угодить в трудовой лагерь на перевоспитание. Еще Дитер утверждал, что история, которую мы учим, не имеет ничего общего с той, которая была в мире до победы Германии в Великой войне. Его для изучения истории Прусского государства командировали в Германский университет. И там в закрытом фонде Дитер читал книги. Факты, изложенные в них, по его словам, не имеют ничего общего с теми, что мы учим и сдаем на экзаменах...

В конце концов, какая разница, кто правил миром до нас? Важно только одно: теперь отныне и навек мир принадле-

жит нам, немцам, во главе которых стоит партия и фюрер. А мог бы я быть фюрером? А почему нет! Нет, правда, если представить себе: я оказался во главе Рейха. Что бы я сразу сделал? Отменил экзамен на расовую зрелость? Пожалуй, дельная мысль. Кому нужно знать пять законов доктора Менгеле и двенадцать доказательств расового превосходства немцев? Всё равно инородцев депортировали с территории Рейха еще пятьдесят лет назад. А вот что бы я разрешил – это мультфильмы Уолта Диснея и американские вестерны. Нет, правда, кому мешает смотреть, как Грегори Пек или Чарли Бронкс борется с Фрэнсисом Фондой или Фрэнком Синатрой? Разве это расовое преступление, как сейчас считают? Я же не изменяю идеям Рейха. Я просто смотрю, как ковбои защищают мирное население – престарелых одиноких фермеров и их красавиц-дочек – от озверевших банд мародеров и бандитов, верящих только в свою силу и искусство стрельбы из кольтов. Ведь это же только кино, это всё не по-настоящему, понарошку: выдуманная жизнь. Ее разглядывание никому ничего плохого не сделало. А еще лучше разрешить немцам посещать страны, въезд в которые сейчас запрещен. Чего бояться? Пускай все наши граждане лично убедятся, что мы живем лучше всех и у нас самые правильные законы. Разрешил бы читать любые книги, а не только те, что одобрила Палата искусств при Рейхскомиссариате по культуре и спорту. Кстати, и в баскетбол и хоккей надо разрешить играть, а не штрафовать мальчиков из при-

ютов. Спорт еще никому не мешал стать отличным воином, а то, что баскетбол изобрели янки, – ну и пусть. Когда я бросаю мяч в кольцо или гоняю шайбу по льду, я же не совершаю идеологическую диверсию, не пропагандирую нездоровый образ жизни? (Так школьный комиссар Майер говорил. Редкостный дурак. Кто его только на такой ответственный пост назначил?) Я просто хочу победить. Вот и всё! За что же меня штрафовать и наказывать? Вот докажу, что достоин стать штурмовиком и носить коричневую форму со свастикой, вернусь и напишу письмо лично фюреру. Предложу сделать баскетбол и хоккей обязательными предметами обучения. Ведь с чего-то же надо начать изменять нашу жизнь – хотя бы со столь малого, как спорт. А литература как же? Пусть Гёте и Шиллер останутся; в конце концов, «Фауст» ничем не хуже «Гамлета», которого мы обязаны учить. Но зачем нам Рильке или Новалис? Лучше читать «Песнь о Нибелунгах» и восхищаться Хагеном или Атли Гуннарсом, нежели слюнявыми стишками о «сущем» и «грядущем». Интересно, курс обучения у девочек такой же, как у нас, или они читают других авторов?»

Немецкая речь

– Цель прилета в Комиссариат?

– Миссия №6 по программе изучения эрзац-народов.

– Первый раз у нас?

– Так точно, меня должны встречать. В моих бумагах об этом всё сказано.

– Бумага, молодой человек, – это всего лишь текст с печатью, а я обязан вас лично допросить. Вы вступаете на территорию, где поступки значат больше, чем слова. Понятно?

– Не совсем. Разве Сибирский комиссариат – это не часть Рейха?

– Прежде всего это анклав компактного проживания славян – гетто! Как следствие – место повышенной опасности для всех граждан Рейха. Славяне неразвиты, грубы и не всегда адекватно реагируют на наши поступки. Это крайне дикий народ. Поэтому пребывание здесь равносильно участию в сафари в Южной Африке, когда вы с гидом охотитесь на диких зверей. Понятно?

– Не очень. Разве они не часть эрзац-народов, над которыми мы проводим эксперименты?

– Лет десять назад так оно и было. Но в последнее время в их среде наметился рост самосознания и псевдопатриотизма. Рождаются протестные настроения. Всё больше и больше

славян начинают считать, что они – народ-богоносец, временно переданный в руки народа-узурпатора, то есть нас. Эти дикари верят, что в их среде должен родиться спаситель, миссия, который сбросит антиславянское иго и вернет им все утраченные земли. Конечно, всё это бредни слабого детского ума – не забывайте, в социальном и умственном состоянии они находятся на несколько ступеней ниже немцев. Но бредни эти крайне опасны. Как долго вы планируете быть у нас?

– Если всё пройдет, как было намечено, то я сегодня же улечу.

– Что-либо запрещенное к ввозу на территорию анклава имеете? Оружие, литературу на местных языках, Библию, предметы христианского культа?

– Только томик Ницше «Так говорил Заратустра».

– Это разрешено. Музыкальные произведения с собой имеете?

– Никак нет, господин оберцольрат. Я предпочитаю читать, а не слушать.

– Хорошо. Слушать здесь вообще никого не надо. Врут на каждом шагу. Сплетен – ох как много. Порой такую чушь несут, что только диву даешься, как вообще такое человеку может прийти в голову.

– А приведите мне пример подобного вранья. Я в разговорах со славянами хочу различать, где они врут, а где говорят правду.

– А они вообще никогда правду не говорят. Это, скажу

я вам, похоже, самый бесчестный народ на всем белом свете. Я раньше, до перевода сюда, служил в Италии. Так вот, по сравнению со здешними итальянцы – самый примерный и дисциплинированный народ, какой мне доводилось встречать. А местные жители сами никогда не знают, врут они или говорят правду.

– Возможно ли такое? Ведь ложь всегда направлена на достижение конкретной цели. Иначе зачем врать?

– Э, милый мой, вы рассуждаете, как немец, руководствуясь здравым смыслом. У славян всё иначе. Для них наивысшая ценность – собственное самолюбие. Слова, слова – просто дымовая завеса. За ворохом красивых слов они скрывают ничтожество своих устремлений. Запомните: когда славяне говорят о душе – это верный признак, что они замыслили против вас что-то низкое. Вообще слово «духовность» у них самое любимое. Недочеловеки всегда произносят его, когда не знают, что сказать.

– Какой странный народ!

– Животные, одним словом. Они ничем не лучше павианов, насилующих друг друга за право быть первым. Ведь основной мотив славян – желание самоутвердиться любой ценой. И они для этого не побрезгуют ничем. Нужно уничтожить самое святое и дорогое в их жизни, хоть родителей или детей, их национальные святыни – уничтожат. На всё пойдут, всё продадут. У них нет понятий «нация», «государство»; для любого славянина и нация, и государство заканчиваются

им самим.

– Как же они существуют?

– Я уже говорил: как животные, в постоянной борьбе друг с другом. Брат восстает на брата, сын на отца – это для них нормально. Обмануть соседа – наивысшая доблесть, природное право. Но если славянин обнаружит, что его самого обвели вокруг пальца, это он посчитает тяжким оскорблением. Очень странное убеждение, верно?

– Какой бессмысленный народец! Мы изучали славян на уроках расовой гигиены в приюте. Я всегда думал, что им просто не хватает дисциплины, внутреннего стержня. А оказывается, что весь этот народ – всего лишь генетический мусор, ошибка природы.

– Да. Они как слабоумные или дети: отказываются отвечать за свои поступки. У нас, слава богу, после введения закона «Т-4» со слабоумными покончено раз и навсегда... Ну что ж, юный геноссе Мюллер. Добро пожаловать в Сибирь, и удачи вам в вашей миссии.

– Спасибо, оберцольрат. Удача никогда не помешает во время охоты на недочеловека. Еще увидимся.

– Несомненно. Проходите, юноша, проходите. Не задерживайте поток. Мне сообщили, что вас уже ждут.

Немецкая речь

– Разрешите представиться, партайгеноссе окружной комиссар! Ротгенфюрер из фюрерюгенда Ганс Мюллер! Прибыл в ваше распоряжение для выполнения миссии №6 и для изучения особенностей поведения славян в полевых условиях.

– Вольно, мой мальчик. Отставить весь этот официоз. Зовите меня просто доктором Заком. У нас здесь всё по-простому: как-никак, а глубинка, от Германии добрых четыре тысячи километров. Это последний оплот нашей цивилизации на северо-востоке. Не устали в дороге?

– Никак нет, доктор Зак. Наш ракетоплан доставил меня сюда с отменным удобством. Пролетая над Московским морем, я видел мемориал фюрера. Грандиозное сооружение, достойное подвига величайшего героя в истории человечества, нашего народа. Я бы тоже хотел совершить что-то великое!

– И совершите, мой юный друг, обязательно. Нашей партии нужны преданные и энергичные юноши, готовые пожертвовать собой во благо фюрера и немецкого народа. Сегодня вам впервые представится такая возможность.

– Я не подведу, честное слово, партайгеноссе, я не подведу.

– Охотно верю, что вы будете очень стараться. Но не переживайте, если с первого раза не получится. Убить даже недочеловека, который ниже тебя в развитии, это непросто. Самое главное для вас – определить границы своих возможностей. Понимаете меня?

– Если честно, не очень. Меня всегда учили, что у нас, сверхлюдей, возможности для самореализации безграничны.

– Милый Ганс, не обольщайтесь. Вы не сверхчеловек, а еще только кандидат. Инициация – убийство недочеловека – позволит понять, подходите вы для этой роли или нет. Возможно, вы просто немец, призванный служить партии и народу в тылу, а не на передовой.

– О чем идет речь? Разве война не закончилась пятьдесят лет назад?

– Война между цивилизациями богов и людей не закончится никогда. Понимаете – *никогда!* Мы, раса богов, призваны управлять всеми остальными народами. Но закон природы – побеждает сильнейший! – никто не отменял. Сильнейшего пытаются свергнуть враги. Вы спросите меня – а кто наши враги? Я вам отвечу – все, кто не являются немцами, в ком не течет арийская кровь. Человеческая жизнь ничтожна вне цели коллектива, вне цели воли партии и фюрера. Вся жизнь обычного человека протекает всего лишь между двумя полюсами, на одном из которых находится наслаждение, а на другом – боль. Поэтому людьми движут два основных

инстинкта: жадность и страх. Страх перед болью и жажда получать наслаждение заставляют их менять мир. А мы, манипулируя желаниями людей, можем управлять ими.

– Но при чем здесь мое испытание? Я обычный ученик, нас в классе двадцать человек. У каждого одно задание: при изучении недочеловеков посетить комиссариат и убить славянина.

– Убить – это еще не всё. Не забывайте: глядя на вас, они должны бояться. А вы, юноша, должны манипулировать их страхом, научиться править ими. Они рабы, а рабы мечтают только об одном: отомстить хозяину. Но раньше, в древние времена, рабом мог стать всякий, случайно. Отвернулась фортуна – ты в кандалах. А затем вновь освободился. Поэтому великие империи и распадались: рабы стремились к свободе и рано или поздно получали ее, свергая хозяев или порабощая их в ответ. Теперь всё иначе. От рождения и до гробовой доски ты или раб, или господин. Случайности исключены. Научно обосновано, какие расы и нации могут быть свободными и помогать нам править миром, а какие навечно обречены быть рабами и служить нам, господам. Еще общество «Туле» доказало, что арийцы – древнейший народ на земле, а все современные знания происходят из легендарной Гипербореи – нашей прародины. Мы, немцы, призваны править миром, а вы, Ганс, как один из нас, должны сейчас на практике показать, что уже готовы служить партии и фюреру. Славяне не просто рабы – они наши извечные

враги, война с которыми длится уже не одно тысячелетие. Когда-то из-за трех всемирных катаклизмов – вам говорили о них на уроках истории – земля почти полностью оказалась во власти льда и холода. Наш народ, чтобы выжить и не замерзнуть, бежал на юг, в Индию. Тогда-то весь север и восток континента захватили зверолоды. Тупиковая ветвь эволюции – потомки неандертальцев, мутировавших в славян и татаро-монголов. У славян даже поговорка об этом есть.

– Какая, доктор Зак? Расскажите. Всё это крайне интересно. Я ничего подобного в приюте не слышал.

– Они любят говорить, что если любого русского хорошенько отмыть, то под слоем грязи обнаружишь татарина. Каково? Ха-ха-ха!

– Как любопытно, партайгеноссе. Получается, у них есть чувство юмора, раз они шутят над собой. Значит, славяне не окончательные звери, как нам внушают на уроках евгеники?

– Глупости, глупости, Ганс! Это вовсе не юмор, а констатация биологических фактов. Общество по исследованию и преподаванию наследия предков, в котором я состою, со всей тщательностью доказало, что черепа татар и русских, как, впрочем, и всех остальных славян, по типологии ничем не отличаются друг от друга. Антропологически они идентичны. Понимаете теперь, что это не шутка? Они, как животные, чувствуют на уровне инстинкта своих и чужих. Мы для них всегда чужие, как бы мы ни маскировались. Да в этом

и нет нужды.

– Почему, партайгеноссе? Разве нам не важно знать из первых, так сказать, уст, что у них происходит?

– Нюрнбергские законы запрещают нам жить среди славян. Да и незачем: они сами охотно доносят нам друг на друга. Это у них в крови. Животные всегда чуют более сильного и готовы ему служить. Но только до тех пор, пока понимают, что вы – сильней. Теперь вам ясно, геноссе роттенфюрер, как важно дать им понять, что вы сильнее? Среди немцев нет первых и нет последних, мы все – один народ, одна воля, одна судьба. А вы – лицо нации. Ясно?

– Так точно, партайгеноссе окружной комиссар! Один народ, одна партия, один фюрер. Победа или смерть. Хайль фюрер!

– Зиг хайль, юноша, зиг хайль, зиг хайль!

Немецкая речь

«Ну, вот я и в Сибири. С ума сойти, насколько всё нереально: еще пять часов назад я завтракал в приюте, а школьный оберфюрер Вайс мне давал последние инструкции... И вот я здесь, среди снегов и льда, – еду по тундре в один из поселков, где проживают русские. Говорят, тут зимой так холодно, что слезы превращаются в ледышки, а воздух, когда выдыхаешь, тут же становится снегом. Б-р-р! Страшно представить, как здесь морозно. Слава богу, что я приехал в марте. Хотя до сих пор вокруг лежит снег и дует студеный ветер. Мне кажется, что если ад и существует, то он должен располагаться где то здесь: тут большую часть года темно и холодно. Данте, помещая своего Люцифера в центр земли, думал, что это самое страшное место в мире. Как же он ошибался, сидя в своей теплой Италии, предполагая, что подобного места не может быть на поверхности земли. Вот она – страна вечного льда и горя, где всё живое обречено на страдания. Как прозорливо фюрер поместил славян именно сюда, в земной ад, в наказание за строптивость и за то, что они так долго мешали нам двигаться на восток».

– Геноссе оберлейтенант, как долго вы здесь служите?

– Что, парень, страшно? Ничего, не бойся. Пока я рядом, бояться нечего. Небось окружной комиссар наговорил тебе

немало страшилок про местных? Теперь сидишь и думаешь, как бы побыстрее отсюда ноги унести, а?

– Да ничего я не боюсь. Мне, конечно, приятно, ведь вы лучший егерь округа. Приятно, что именно вы сопровождаете меня в поездке. Но я, в отличие от других ребят в моем классе, знаю язык славян и могу на нем говорить! И не боюсь. Просто я хотел заметить, геноссе Цинобер, что эта местность сильно смахивает на преисподнюю в моем представлении. Здесь, наверное, всегда темно и страшно холодно?

– Не то слово. Зимой – сущий ад: мороз пробирает до костей, ни дня без пурги, а ветра столь сильные, что кажется, будто с тебя живьем кожу сдирают. Знаешь, как местные прозвали здешние горы?

– И как же?

Русская речь

– Они их называют Норильские горы. А знаешь, почему?

– Почему?

– Говорят, что здесь, куда ни пойдешь, ветер всегда на рыло дует.

– Что значит «рыло»?

– Они так свои лица называют.

– Как странно! Я этого слова не слышал. Я знаю, что у русских есть глагол «рыть». Его форма в среднем роде в прошедшем времени будет звучать как «рыло». Можно сказать: «оно рыло», «нечто рыло». Слово «рыть» – синоним «копать», не так ли?

Немецкая речь

– А ты неплохо знаешь русский язык, в отличие от других парней, что нам сюда присылают. Сразу тебе скажу: если не знать языка, то совершенно невозможно понять ни мотивы их поведения, ни самих недолюдей. Порой язык народа говорит о нем больше, чем вся его история.

– Точно, геноссе оберлейтенант! Просто диву даешься, как они сумели изобрести столь чудной язык. Странная грамматика и синтаксис, никакого порядка в построении предложений! Не то что немецкий...

– Ну ты, парень! Не путай язык, на котором говорил Гёте, и язык недочеловеков. Как-никак, а они все-таки варвары, отсюда и беспорядок в их варварском наречии. Никакой гармонии и четких правил построения. Одно и то же предложение может быть и повествовательным, и вопросительным – всё зависит от интонации.

– Может быть, поэтому они не умеют самостоятельно жить? Эмоции их постоянно захлестывают, не позволяя принимать обдуманых решений. Я читал, какие чудовищные были правители у славян до их европеизации царем Петром. Наши историки пишут, что всех царей до Петра это дикое племя почитает как святых. Славяне молятся им, как главным заступникам, совершенно не замечая, что те к ним, простым людям, относились, как к скотам. Возможно ли такое?

– Да у них, парень, всё возможно. Скажу тебе по секрету: каждый русский думает, что именно он – Господь Бог, а все

остальные вокруг – антихристы. Это, если хочешь знать, их национальная идея. Вообще, религия – их пунктик. Они повернуты на вере.

– Это как? Они что, очень религиозны?

– Да я бы не сказал. Я славян наблюдаю уже пять лет, как меня сюда перевели с Кавказа. И должен сказать, что более нечестивого и в то же время суеверного народа я еще в жизни не видел. Они исповедуют какую-то странную веру, в которой грех – главный побудительный мотив.

– Что это значит?

– Славяне все поголовно утверждают, что если не согрешишь, то и не покаешься. А покаяние, по их глубокому убеждению, – единственный путь к Богу. Поэтому они постоянно грешат, нарушая все мыслимые и немыслимые запреты своей церкви. Потом славяне идут к попам, каются в совершённом непотребстве, те им отпускают грехи, а они с чистым сердцем идут вновь грешить. Вот такая у них вера.

– Геноссе Цинобер. Я национал-социалист и не верю в бога, но кое-что знаю о христианстве. По-моему, эта вера не имеет с ним ничего общего. Ведь христианство призвано делать человека лучше, освобождая его от рабства плоти и совершенствуя душу. Единственный путь к Богу – это добрые дела. Если бы не преданность идеям фюрера, то я бы хотел быть христианином, чтобы вести безупречный образ жизни.

– Ха, геноссе Мюллер, ты рассуждаешь, как добропоря-

дочный немец. Для нас христианство – это работа, где заказчиком выступает сам Господь Бог. Если ты ее сделал хорошо, то тебе за нее хорошо заплатят. Но славяне же недочеловечки, следовательно, они верят не в Бога, а в спасение. Понимаешь, парень – в спасение!

– Разве спасение и вера не одно и то же? Разве обрести спасение – это не соединиться с Богом?

– Для нас, арийцев – да, для них, славян – нет. Их Бог – это ужас, перед которым не устоит ни один из смертных. Бог – тот же древний царь, жестокий и непредсказуемый. С ним нельзя договориться, от него можно только спастись. Понимаешь, парень – спастись! Неважно, какую жизнь ты вел до того, как с ним встретился, понимаешь, совершенно неважно. Главное – спастись.

– Через покаяние?

– Именно, парень, именно. Все они пытаются купить спасение, а не заслужить. Может, это следствие ужасной судьбы, что постигла их государство после разгрома в Великой войне.

– Вы это так произнесли сейчас, будто им сочувствуете. Разве они не заслужили поражение безумием своего еврейско-большевистского правительства и его политики?

– Никто не знает, как бы сложилась та война. Гудериан мог не захватить с ходу Москву. Славянские маршалы могли не поднять мятеж против большевиков. Поэтому мы могли проиграть Великую войну. Нам просто чертовски повезло.

– Геноссе оберлейтенант, неужели вы не верите в гений нашего фюрера?

– Милый мой, я с тобой сейчас разговариваю, как солдат с молодым наивным мальчишкой, который впервые покинул стены дома и оказался на территории проживания наших естественных врагов. Я воевал и знаю, как много в войне значит удача. Да-да, простое глупое везение. Оно для солдата намного важнее, чем хорошо продуманный план боя или уверенность в том, что идеи нашего гребаного фюрера всегда верны. Он был всего лишь везучим сукиным сыном. Ему повезло, он выиграл у русских, теперь его боготворят. А если бы он проиграл, то большевики и американцы объявили бы его величайшим мерзавцем всех времен и народов и повесили вверх ногами в назидание выжившим после разгрома немцам.

– Но ведь он выиграл. Победителей не судят.

– Это точно. Поэтому мы с тобой, парень, сейчас едем к русским творить над ними расправу, а не наоборот. Русское государство оказалось несостоятельным в исторической перспективе, не создав ничего ценного.

– Так же, как и русский народ. Он не способен на самостоятельную жизнь и роль в истории. Правда же?

– Ясное дело! Это даже не требуется обсуждать.

– Тогда почему вы все-таки жалеете славян? Ведь я прав – вы им сочувствуете? Признайтесь, оберлейтенант, вы им сочувствуете?

– Отчасти. Легко смеяться над страной, в которой всё плохо, не замечая, что твоя собственная жизнь – полное дерьмо. Нас, немцев, вынудили стать палачами всех эрзац-народов, которым яйцеголовые доктора-антропологи из Германии не разрешили существовать. А быть палачом лично мне не нравится. Мерзко убивать ни в чем не повинных недочеловеков только для того, чтобы запугать остальных. Да и бесполезно: они всё равно восстают и восстают. А мы их убиваем и убиваем. Плохо это, парень, плохо.

– Но вы же кадровый офицер. Это ваша профессия.

– Моя профессия – воевать, а не истреблять местных туземцев только за то, что они не хотят жить по законам, которые мы им навязали. Немцы всё больше и больше становятся похожими на сумасшедших. Вымазались с головы до пят своим дерьмом и утверждают, что они боги.

– Что вы подразумеваете под словом «дерьмо», оберлейтенант?

– Дерьмо и подразумеваю, парень. Мы все сошли с ума, парень, мы все сумасшедшие. Я не знаю, как ты, но мне в мои сорок лет незачем жить: нет цели. Нельзя же, в конце концов, считать целью очередное звание или поездку в отпуск к теплему морю. И уж тем более пропагандистские лозунги Розенберга и Геббельса, эту устаревшую нацистскую галиматью. Интеллектуальное дерьмо, обернутое в мистические слова вроде «вечная полярность», «первичный феномен» или «самобытное германское мышление». Мышление,

которого нет!

– Как это нет? Мы изучали его на истории и прикладной евгенике.

– Эх, парень, парень. Мышление у всех – у французов, англичан, итальянцев – одно и то же. Оно есть у всех людей, умеющих говорить и различать чужую речь. Даже у русских, хотим мы этого или нет. Я лично презираю нацизм за то, что он обрек Германию на интеллектуальную нищету.

– Вы что же, геноссе оберлейтенант, противник существующего режима? Получается, германский народ сам по себе, партия сама по себе, а фюрер сам по себе? А как же наши достижения в науке и искусстве?

– Какие достижения? Чего мы добились в искусстве? Или в философии? В литературе? Кто из наших партийных писателей создал значительный труд, который можно поставить на одну полку с Гёте или Шиллером? Читать роман Ханса Гримма «Народ без пространства» может только министр пропаганды или глава Имперской палаты литературы, но никак не просвещенный немец. С идейками в нем жидковато, как и во всей нашей нынешней литературе.

– Вы просто завидуете писателям. Они создали образы солдат и рабочих и стали известными.

– Я завидую не им, а образцовым арийцам с «самобытным германским мышлением», которые не отличают пропаганду от искусства. Эти дураки могут потреблять дерьмо в неограниченном количестве. Национальную идею заменили спорт

и культ красивого тела. К сожалению, я лишен этого самого специфического «германского мышления» и потому страдаю, ведь искусства в нашей стране нет. Если бы не контрабандные фильмы и музыка, повесился бы от скуки – интеллектуальной скуки. Назвать искусством дерьмо, которым нас каждый день пичкают по радио и телевидению, совершенно нельзя.

– А мне нравятся германские патриотические фильмы. И вообще, я с вами не согласен. По мне, ваш Гёте – пустомеля какой-то, а его Фауст – вообще дегенерат. Лучше читать «Песнь о Нибелунгах» и слушать Вагнера, нежели восторгаться Шиллером и танцевать под музыку Штрауса. Это всё хорошо для девчонок, но не для нас, настоящих немецких парней. Надо восхищаться героем, а не анализировать его.

– Ладно, парень, забудем об этом. У каждого свое восприятие жизни. Сегодня у тебя будет повод доказать, что ты герой.

Немецкая речь

«Вот мы и подъезжаем. Еще немного – и я увижу русских и заговорю с ними. Это так волнующе. Никогда не думал, что я, немец, буду переживать из-за таких пустяков. Наверное, так же волнуются молодые солдаты перед первым боем. Какая впереди убогая застройка! Скопище деревянных избышек вокруг шатровых сооружений с восьмиконечными крестами. Это и есть поселение славян? Разительно отличается от наших ухоженных городков и сел. Всё такое неряшливое, серое. Уныние словно придавило это убожество тяжелым облачным сводом сумеречного неба. Суший ад. Наверняка разумному человеку жить здесь – настоящая мука. Вероятно, оберлейтенант страдает, что ему приходится здесь служить. Оттого он так раздражен на Министерство просвещения и пропаганды от отсутствия каких-либо стоящих развлечений. Наверное, блокворт плохо работает, уделяет мало времени морально-нравственному состоянию членов местной ячейки партии. Интересно, можно ли сойти с ума от того, что ты большую часть года не видишь солнце и постоянно мерзнешь? Надо спросить оберлейтенанта, пока мы наедине».

– Скажите, геноссе Цинобер, как вы выживаете в этом аду? Кто-нибудь из наших сходил с ума от того, что здесь все

время темно и холодно?

– Это закрытая информация, парень. Но скажу тебе по секрету: половина из тех, кто отсюда возвращается, явно нуждается в лечении. Здесь люди низведены до уровня животных, а животные возведены до уровня людей. Мы, егеря, называем это место сумеречной зоной, где выживает сильнейший: и телом, и душой. Я спасаюсь от окружающего ужаса шнапсом и сексом: напиваюсь до бесчувствия или сношаюсь с проститутками до полного изнеможения. Когда и это не помогает, просто слушаю музыку: Бетховена или Моцарта, его «Волшебную флейту» – это последнее, что меня удерживает от самоубийства. Фюрер нас, немцев, освободил от человеческих обязанностей: любить и ненавидеть, страдать и помогать, бояться, плакать или смеяться, – взамен обязав быть сверхлюдьми, то есть богами. А боги, парень, не знают слабости и стоят выше морали, олицетворяя собой мировой порядок. Мы здесь осуществляем этот порядок без жалости к тем, кем управляем.

– А вам приходилось убивать, геноссе Цинобер?

– Конечно, я же егерь.

– Вы тоже проходили посвящение в арийцы, выполняя миссию №6?

– Нет, это нововведение последних пяти лет, призванное повысить качество арийского воспитания в приютах трудовых армий. В отличие от тебя, парень, я окончил военное училище. Нас готовили убивать с пяти лет. Сначала трени-

ровались на животных, а потом и на людях.

– А вы помните, кого убили в первый раз?

– Если честно, нет. Правда, парень, забыл уже, когда это было и где. Кажется, в Африке, в Сомали – мы тогда помогали дуче расширять его империю. Итальянцы провели неудачную военную кампанию, и их штурмовую бригаду окружили местные племена. Наше подразделение перебросили с Аравийского полуострова, где мы помогали спецотделу СС изымать камень Каабы, чтобы отправить его в Германию. Мы все тогда были штандартенюнкерами, ни разу не участвовали в боях. И вдруг всех нас, молодых, срочно погрузили в самолеты и в составе двух штурмовых бригад Абвера десантировали в гущу боевых действий на помощь итальянцам. Ночью. Тогда я наверняка кого-то и убил. Много стреляли вслепую, пока не рассвело. Утром обнаружили, что негры разбежались, а мы одни в саванне. Вокруг горы черных трупов, облепленные тучами мух. Вообще, скажу тебе, Африка не очень уютное место для белого человека: чудовищная антисанитария, куча ядовитых насекомых... Если выпить местной воды, к примеру, то наверняка будешь две недели страдать диареей, и никакое лекарство не поможет. Ну а жара, будь она неладна, никак не лучше холода: всё время потеешь, как в бане, а пот разъедает кожу, и покрываешься сыпью с головы до пят. Никакого спасения. Слава богу, этот ад закончился довольно быстро: через две недели нас перебросили на юг Италии, где мы вволю повеселились

после боевого крещения. Поселили в гостинице ничтожно-го городка Кротоне. Господи, какое блаженство вспоминать его. Когда это было? Миллион лет назад. Многое уже забыл. Помню только, что наша гостиница «Конкордия» располагалась на Виа Виттория, рядом с торговыми рядами. Мой товарищ Клаус Рут, знаток античной литературы, предложил всему отделению пройти еще одно крещение, не боевое. В тамошнем борделе мы все потеряли невинность.

– Зачем? Почему в этом городке, почему всем скопом? Чтоб не было стыдно перед другими?

– Ха-ха-ха... Парень, ты такой наивный, аж смех берет. Вас не учили, что удел мужчины – не только воевать, но и спать с женщинами? Однако правда жизни всё равно берет верх. Наверняка многие из твоих товарищей по ночам под одеялом мастурбируют. А ты сам пробовал? Терял хвост, чтобы никто не видел?

– Геноссе оберлейтенант, попрошу меня не оскорблять. Я пожалуюсь вашему партийному начальству. Прекратите обвинять меня в непристойностях, о которых мне даже думать стыдно.

– Ну ты и даешь, парень! Неужели ты думаешь, что твой отросток дан тебе только для мочеиспускания? Хотя, может, вас в приюте бромом поят, чтобы плоть не восставала?

– Я не знаю ни о каком бrome. Я просто спросил, почему вам не было стыдно всем отделением идти в бордель, к проституткам? Разве общение арийцев с ними не унижает нас

как личностей?

– Унизить арийца может только ариец. А проститутка много лучше, чем резиновые надувные женщины производства АЕГ для удовлетворения половых потребностей солдат в полевых условиях. Кстати, такие женщины входят в список походного обмундирования солдат вермахта. А знаешь, для чего? Просто наше командование хочет избежать венерических заболеваний среди личного состава. Вот так-то! А ты говоришь – проститутка! Что лучше, а точнее – что естественней, совокупляться с живой или искусственной женщиной?

– Я не могу вам ответить. Никогда об этом не думал. В приюте нас готовили к другому: беззаветно служить партии и фюреру, стремиться улучшить жизнь всех германцев. Половые вопросы из нашего образования исключены. Я не вижу разницы между живой или искусственной женщиной: не знаю, как та или другая может доставить удовольствие. Наивысшее удовольствие для меня сейчас – петь гимны и играть в спортивные игры. Когда ты член команды и понимаешь игроков без слов – момент единения с другими в одном порыве, в одной воле – вот это здорово, вот от этого захватывает дух. Когда поднимают наш флаг по утрам и играет горн, у меня наворачиваются слезы на глаза, а я ведь не плакса, я награжден ножом «Blut und Ehre» за стойкость и мужество.

– Ты еще слишком молод, парень, чтобы понимать то,

о чем я тебе говорю. Твое время пока не пришло, у тебя всё впереди: любовь к женщине и разочарование в ней.

– В ком? В любви?

– В женщине как форме жизни, конечно же. Вот ты говоришь, что для тебя наивысшее удовольствие – момент единения с другими в одном порыве и воле. А знаешь ли ты, что, совокупляясь с женщиной, ты этот порыв испытываешь с ней физически? Не знаешь, конечно... Эх, мой юный друг. Человек способен получать наивысшее удовольствие только тогда, когда размножается: так уж устроена наша природа.

– А творчество? Разве искусство не доставляет нам наивысшее удовольствие?

– Творчество – то же размножение, только не физическое, а духовное. Так человек пытается оставить память о себе в других людях: инфицировать их своими мыслями и чувствами. Я ведь тоже в твоём возрасте, когда был юнкером, хотел стать поэтом. Даже кое-что опубликовал, но потом бросил стихи писать. Война, брат, куда интересней, а главное – всё, что вокруг, с тобой по-настоящему происходит, а не в грезах жалкого ума.

– А можете что-нибудь из вашего почитать, из того, что тогда опубликовали?

– Да чушь это всё была, дешевая, пафосная чушь типа:

Германский гений
Крылья распростер

Над всей Европой,
Из городов изгнав
Унынья дух навечно,
Взамен дав людям
Радость и веселье,
Чтоб новый мир
Построить на века.

– А по-моему, очень даже ничего. Патриотично.

– Да ну тебя, салага. Это же не Гёте, а хуже писать нет смысла. Разве что статьи в газетах, но журналистика – не литература. Ладно, сменим тему. Хочешь, объясню, почему мы все решили потерять невинность в Калабрии?

– Охотно выслушаю.

– Дело в том, что этот городок – конечный пункт приключений героев «Сатирикона» Петрония. Врубается?

– Нет, не очень. Я такого автора не знаю. В нашей учебной программе его нет.

– Естественно, это же античный автор, да еще и непристойный. У него нет никаких шансов попасть в школьную программу для имперских приютов, одобренную министерством народного просвещения. Нас, весь взвод, с Петронием познакомил Клаус Рут: он нам зачитывал в казарме в свободное время по многу раз самые смачные места из этой истории. В частности, о том, как героини посещали бордели. Вот мы и решили на деле проверить, так ли хороши итальянские девки, как об этом писал автор. Сказано – сделано, искать

проституток было несложно: их дверь была смежной с дверью нашего отеля. Даже название до сих пор помню: «Casa Blanca». И белую розу на вывеске. Мы, значит, вваливаемся в бордель, нас там встречает мадам: женщина с выдающимися формами, очень похожая на Софи Лорен. Знаешь такую итальянскую актрису?

– Нет. Нам в приюте показывают только немецкие фильмы.

– Она у них, в Италии, очень знаменита. В общем, выставляет она перед нами всех своих девок. Мои ребята тут же разобрали высоких и фигуристых, а мне досталась маленькая и худенькая – почти подросток, сущая девочка – с огромными черными глазищами. Что делать? Подхожу к ней и говорю мадам: «Выбираю эту. Она моя на ночь». А та мне на ухо шепчет: «Господин штандартенюнкер, Франческа – самая лучшая шлюха в моем заведении. Самая выносливая и ненасытная. На прошлой неделе она за раз обслужила двадцать немецких моряков с подводной лодки, вернувшейся с боевого дежурства. Они ее сношали восемнадцать часов подряд – так Франческа не хотела их отпускать, просила добавки. Она вас растлит самым изысканным образом, можете на меня положиться». Представляешь?

– Что?

– Она меня действительно растлила самым изысканным образом, ха-ха-ха!

– Это как же?

– Э, парень, заинтересовался? Не скажу. Тебе еще рано об этом знать. Всё, приехали, вылезай. Мы на месте. Пора приниматься за работу.

Немецкая речь

«Кошмар, какая убогость вокруг. И столько снега: улицы из снега, всё поселение завалено по самые крыши. Даже окон не видно, только двери с прокопанными к ним ходами. И куда мы сейчас идем, ума не приложу».

– Куда мы направляемся, геноссе Цинобер?

– К старосте, а потом к местному священнику.

– А зачем?

– Ну, вы же должны, юноша, познакомиться с местной интеллигенцией, прежде чем дело дойдет до простого народа. Они, как славяне говорят, соль земли русской. Часть нашей системы управления этим отсталым народом. Есть еще казаки, урядники и околоточные, но они тебе совершенно не интересны. Это самые примитивные существа, тупые и исполнительные, которых мы отбираем из местных и дрессируем. Используем вместо сторожевых собак, чтобы они держали туземцев в страхе перед законами, по которым те обязаны жить.

– Геноссе оберлейтенант, а как устроены поселения русских? Нам читали вводный курс лекций о славянской инфраструктуре, но это всё теория – отвлеченное знание. А как дела обстоят на практике? На само деле, а не на бумаге?

– Ха, а ты смысленый малыш, сразу к делу перешел.

На бумаге всё в ажуре, а на деле руководство висит на абажуре.

– При чем здесь абажур?

– Гестапо, если раскрывает очередной заговор русских, расстреливает всё высшее руководство волости. Из их кожи делают абажуры для настольных ламп, которые вручают следующим назначенцам.

– Зачем?

– Для острастки. Пусть помнят, что с ними станет, если они будут плохо нам служить.

– Не слишком ли это жестоко?

– Славяне очень грубы по природе. Чем бесчеловечней с ними обращаешься, тем сильнее они тебя уважают.

– А почему никого на улицах? Ни единой души?

– Они все на службе в храмах. Обычно в селах – так называются их городки, где есть церкви – храмов пять или семь. Но обязательно нечетное число.

– Почему?

– Почему банан желтый? Не знаю. Так у них принято.

– Идите помедленней, геноссе оберлейтенант, я за вами не поспеваю.

– Ладно, ладно, нам с тобой нет смысла торопиться. Так вот, вокруг каждой церкви селятся люди одной профессии, например портные или гончары, а свою часть села они называют слободой. Гончарная слобода, портняжная слобода. Дома у них все трехэтажные и деревянные. На первых эта-

жах славяне держат скот и мастерские, на втором у них обычно жилые комнаты, а третьи они используют как продуктовые кладовые. А церкви шатровые, круглые в плане. Во главе села поставлен староста, а ему подчиняются головы, начальники слобод. Вот и всё их нехитрое административное устройство. Да, забыл сказать, а это очень важно: у славян еще есть общественные бани, куда они ходят минимум два раза в неделю. Посещение бани для них так же свято, как посещение церкви. Всё, пришли.

– Где мы?

– Это дом местного учителя.

– Так мы же шли к старосте. И разве у них есть учителя?

– В этом селе – есть. Любопытный русский, я его воспринимаю почти как своего: он говорит на нашем языке совсем без акцента. Он учит местных детей немецкому языку.

«Интересно! Оказывается, у них есть учителя. Вот бы не подумал, что такое возможно: учить недочеловеков нашему великому языку».

– Я смотрю, геноссе оберлейтенант, вы стучите и стучите в дверь, а никто не открывает. Может, этот учитель со всеми на службе, в церкви?

– Нет, он дома, я точно знаю. Просто надо подождать, пока он спустится.

– А почему он не в церкви, как остальные русские?

– Он атеист, презирает попов, терпеть их не может.

– Почему?

– Это его конкуренты. Помимо богослужений попы обучают детей своих прихожан основам грамоты и арифметики. Наверняка тебе интересно, зачем мы учим русских этим предметам?

– Конечно!

– Просто это нам выгодно. Все здоровые мужчины от пятнадцати до пятидесяти лет обязаны трудиться на заводах, рудниках и газово-нефтяных месторождениях Рейха. Славяне должны понимать нашу речь и команды, чтобы эффективнее работать. Также они должны уметь обращаться с нашей техникой, а для этого нужно читать инструкции и различать цифры на приборных досках пультов управления машин. Большого от них требовать невозможно – они же недочеловеки. Так что без минимального образования не обойтись.

«Вот, наконец открывается дверь. Поскорее, а то так можно совсем окончить. Быстрее, чертов русский, быстрее».

Русская речь

– Кто там, чего стучите?

– Отворяй, русская свинья! Не спрашивай, кто пришел, если не хочешь быть битым.

– Сию секунду, ваше благородие, сию секунду. Вот, прошу, входите.

Немецкая речь

«Не очень-то оберлейтенант церемонится с этим учителем: так равный с равным не разговаривает».

– А, это вы, господин оберлейтенант. Проходите, пожалуйста, проходите!

«Кланяться нам до земли – пожалуй, слишком. Это как надо себя не уважать, чтобы так перед нами заискивать».

– Давай, веди нас к себе и чаем напои, а то мы замерзли.

– Не извольте беспокоиться, господа немцы, чай у меня для вас всегда готов.

– Чем занимаешься, Николай?

– Да вот часы чиню, совсем ходики развалились.

– Ты бы их выкинул да электронные вместо них купил.

Или денег жалко?

– Да нет, нельзя, ваше благородие. Это память об отце.

«Странно, я совсем не так представлял русских. Этот учитель от нас ничем, помимо одежды, не отличается. Разве что глаза у него нехорошие: всё время шмыгают по сторонам, он будто боится взглянуть нам в лицо. Так ведут себя маленькие дети, когда пытаются скрыть шалость от воспитателя».

– Вот, знакомься, Николай, это Ганс Мюллер, роттенфюрер из фюрерюгенда. Прибыл к нам с исследовательской миссией: изучать ваши нравы и обычаи. Ты должен ему помочь понять, как вы живете и как вами надобно управлять.

– Да что ж тут понимать, господин Цинобер, одно скотство вокруг и никакой цивилизации. Я уже сколько лет вам, немцам, толкую, что нами, русскими, *urkaganu* правят, а вы только надо мной смеетесь и ничего не делаете. Угощайтесь, господа. Вот вам горячий чаек, вот немецкий сахарок. Ну

так что это я, а то бишь о блатных. Заели они нас, интеллигентов. Колотят ведь, господин оберлейтенант, в прямом смысле колотят! А попы им покровительствуют. Подбивают детей ко мне на уроки не ходить. А это уже вредительство. Поп Никодим вообще договорился до того, что нужно обратно-де кириллицу вернуть, что она нам якобы свыше дана. Как же – свыше! Невежда. Ничего не знает об историческом материализме: о Фейербахе и Энгельсе. Религия – это опиум для народа, а кириллица – одно из величайших заблуждений в истории, не позволившие наш многострадальный народ приобщить к плодам европейской цивилизации. Если бы все русские пользовались латиницей, разве бы они были такими дремучими mudakami, как сейчас?

– Что такое mudak?

– По вашему «аршлох», то есть govnyuk. Ведь наш язык – это наше проклятие. Вот у вас, немцев, и в языке порядок, и в мыслях склад. Один ваш Гегель чего стоит, на нем вся философия держится. А у нас за всю историю ни одного приличного философа не было. Разве что Чаадаев. Так его публично объявили сумасшедшим за то, что он наши порядки еще при царях решил критиковать. И чем всё закончилось?

– И чем, Николай?

– Тем, что у русских теперь – ни своего государства, ни своей территории. Было нас когда-то 150 миллионов, а теперь и десятой части нет. А всё из-за грамматики, будь она неладна. Если бы мы латиницей пользовались, так бы и жили

себе в Москве, как сто лет назад, а нас бы вся Европа уважала.

– Теперь нет Европы, Николай, есть лишь германский Рейх и фашистская Италия.

– Да знаю я, знаю, ваше благородие. Только и вы должны меня понять. Почему фюрер определил нас в недочеловечки? Из-за большевистской революции, которую организовали наши евреи и американские сионисты. Если бы не Троцкий с Лениным, не было бы никакого Третьего Рейха. Ваш фюрер с его национал-социализмом стал ответной реакцией здорового германского общества на большевистскую заразу, которой была охвачена вся Европа. А источником заразы были мы, русские. Я, к слову, много думал, почему именно у нас произошла эта чертова революция.

– И что, каковы результаты твоих измышлений?

– Самые печальные, господин Цинобер, самые печальные. Еще чаю, господин Мюллер? Пейте, пейте, воды у нас здесь много: уж чего-чего, а воды хватает. Мы не в Африке. Кстати, господин оберлейтенант, вы бывали в Африке?

– Бывал, и не раз. А почему ты спрашиваешь, русский?

– А правда, что там совсем другие люди живут, черные? Их, говорят, неграми зовут.

– Откуда ты это узнал? Опять американское радио слушал?

– Радио тут нет ни у кого. Ваше гестапо и наши урядники за этим строго следят. Да и запчастей для приемника негде

взять. В книжке же вашей, то бишь немецкой, вычитал.

– Да, это правда. В Африке действительно живут негры. Это совершенно примитивные существа, переходное звено между обезьяной и человеком: похотливые и тупые.

– Что же они, значит, еще глупее, чем наши чукчи?

– Во много раз тупее и вонючей. От них аммиаком шибает сильнее, чем из ваших выгребных ям. У них даже есть поговорка, что бог их распознает по их запаху, ха-ха-ха. Тебе, русский, еще повезло, что ты в Сибири, живешь, а не в Сомали или Нигерии. Жара и антисанитария там просто чудовищные. Так что радуйся, что фюрер вас выселил сюда, а не в Чад или Конго. Арийская наука доказала, что вы более высоко-развитая нация, чем негры: стоите на одной ступени развития с монголоидной расой.

– Это точно, господин Цинобер! Азиаты мы, чистые азиаты, хотя и выглядим, как белые люди. А ведь каждый из наших думает, что он самый что ни на есть избранный. Прямо мессия Божий. Что Бог его отметил для великих дел и все ему должны поклоняться, как царю, наместнику Бога на земле. А народ не может состоять из одних царей: кто-то же должен просто работать. Вот так у нас каждый друг перед другом нос и задирает. Поклонения требует, а его все к черту посылают, а он злится и на рожон лезет, силой хочет заставить себе служить. Сильный угнетает слабого, умный глупого, большой малого. Порядку нет в нашем народе, не то что у вас, немцев. Вы все вы как единое целое, служите фюреру

с собачьей преданностью.

– Эй, русский, следи за речью, иначе я тебе язык отрежу! Кого ты назвал собаками? Нас, арийцев?

– Что вы, что вы, господин оберлейтенант, вовсе нет! Если это прозвучало грубо, то простите меня, русского mudaka, за плохое знание вашего великого языка.

– Не прибедняйся. Ты владеешь нашей речью так же хорошо, как и мы. Я пошутил, Николай, расслабься. Но за языком следи.

– Благодарю вас, господин офицер. Я буду осторожней выбирать слова для выражения моих мыслей. Наша природная речь груба, так как состоит из сплошных ругательств. Кое-что совершенно невозможно адекватно перевести на немецкий язык.

– Приведите пример, господин учитель. Я изучал в приюте ваш язык и ничего особенного, за исключением грамматики, в русской речи не обнаружил. Все слова точно такие же, обычные: папа, мама, земля, вода...

– Для вас, господин, слова «папа» и «мама» вообще потеряли смысл. Вас, немцев, теперь выращивают в родильных фабриках. А у нас всё по старинке: мужчина с женщиной сходятся и создают семью, рожают детей и вместе растят затем их, воспитывая и заботясь о них всю жизнь.

– Конкретных отцов и матерей у немцев нет. Но это вовсе не мешает мне понимать, что означают эти слова. Вы мне такой пример приведите, чтоб наглядно стало ясно, что это

совершенно непереводаемо на германский язык. В мире нет ничего, что не было бы понятно нам, арийцам.

– А русский мат?

– Что это такое – «мат»?

– Так, парень, у них называются все ругательства.

– А при чем здесь, господин оберлейтенант, ругательства?

Это же темная сторона человеческой речи, ведь ругаются, чтобы оскорбить. Грязные слова – низкая речь. Их раньше, в старину, употребляли плохо воспитанные люди. В новом немецком языке их нет, разве что «задница» и «свинья». Но эти эпитеты относятся обычно к неряшливым или неприятным людям. Ну, еще у нас в ходу слово «дерьмо» как обозначение чего-то плохого, как излишнее возмущение. Наверняка у вас, русских, есть схожие выражения, которые однозначно можно понять.

– Вы, господин, рассуждаете как образованный и культурный человек. Для вас ругательства – архаика, прошлый век. А у нас всё наоборот: мат для нас и наших людей давно стал чем-то вроде поведенческого кода. Кстати, что вы знаете о судьбе моего народа после того, как мы проиграли войну Германии и капитулировали?

– Ну, в учебнике по истории написано, что после разгрома под Пермью остатков Красной армии правительство большевиков пало. Власть захватил генерал Жуков, он объявил себя верховным диктатором России. Жуков мобилизовал в армию всех заключенных при большевистском режиме,

организовал из них эскадроны смерти и с помощью тактики выжженной земли начал истреблять коренное население на пути движения наших войск вглубь континента. К концу 1944 года остатки его бандформирований были окружены генерал-фельдмаршалом фон Боком и ликвидированы под Магаданом. Жуков и его приспешники бежали в Америку на самолете, который сбили над Беринговым морем знаменитые герои люфтваффе полковник Герман Швайне и майор Питер Шайзе. Позже за этот подвиг они получили рыцарские звания и кресты с мечами и дубовыми листьями. Фюрер объявил, что вы развязали захватническую войну против европейских народов, поэтому вы виновны в преступлениях против человечества. Славян отправили в бессрочную ссылку в специально созданный Сибирский комиссариат, где вы должны своим трудом и трудом последующих поколений до скончания веков искупать вину перед человечеством за то зло, что успели натворить. Это всё.

– Негусто. Всю трагедию моего несчастного народа изложить на половине страницы печатного текста. А ведь это судьба десятков миллионов людей, перемолотая в жерновах истории. Хотя чего можно ждать от господина Розенберга, автора вашего учебника истории. Он никогда не любил нас, русских. Хотя сам родился в Таллине, учился в Москве и был подданным Российской империи.

«Странно. Этот учитель говорит на немецком языке и рассуждает так же связно, как и мы. В чем же отличие его от нас,

сверхлюдей? Я не понимаю, не могу этого уловить. На вид он принадлежит к нордической расе. Но ведь есть же в нем какой-то дефект, ставящий его на одну ступень ниже в эволюционном развитии по сравнению с нами. Но какой? Почему он больше животное, чем мы?»

– Розенберг никогда не любил нас, русских, и сделал всё возможное, чтобы очернить нас в глазах вашего фюрера. Вот мы и оказались здесь, в Сибири, на вечном каторжном поселении. А всё из-за того, что немцев на евреев променяли.

– Это как, поясните.

– Вы что-нибудь знаете о марксизме и большевизме?

– Это лжеучения. Они говорят, что в основе политических процессов в обществе лежит классовое неравенство и классовая борьба, а не борьба наций, что политическое устройство общества определяется его экономическим базисом. Еще – что в результате классовой борьбы будет построено новое общество рабочих и крестьян, в котором все будут равны и экономически свободны, то есть исчезнут деньги, и люди будут работать только за идею. Полный бред, согласитесь, в особенности в отношении национального вопроса. Якобы нации при капитализме неважны, а важны только товарно-денежные отношения. Ведь очевидно, что расовое неравенство рас изначально заложено в природе и влияет на неравенство в обществе. Люди с нечистой кровью оказываются на низких социальных постах, а люди с чистой арийской кровью составляют правящую элиту. Это наглядно вид-

но на примере вашей, русской истории. Все ваши правители и аристократы были немцами, начиная с царя Петра Великого, и тогда вы были цивилизованной страной. А как только немцев вы сменили на евреев, тут России и пришел конец. Это же очевидно.

– Это вам очевидно сейчас, господин. А когда мой отец участвовал в штурме Зимнего дворца и свергал временное правительство Керенского, он совершенно не думал, что нами вместо вас будут править черт знает какие инородцы. А так вот, однако, получилось. Всех нас Ленин обманул. Вот ведь сущий дьявол, а не человек!

– Оберлейтенант сказал, что вы в Бога не верите. Тогда зачем дьявола поминать?

– А я только так, образно. Этот Ленин для нас, русских, стал камнем преткновения. Вы не поверите, но до сих пор его некоторые почитают как святого, а люди его тело прячут в Уральских горах. Рабский мы народ, честное слово, рабский.

– Ты что-нибудь слышал нового о большевиках?

– Никак нет, господин оберлейтенант. Ребята, с которыми я занимаюсь, ничего о них не знают – или делают вид, что не знают. А соседям хватает своих забот, чтоб еще красных поддерживать.

– О каких большевиках они говорят, господин оберлейтенант? Их истребили еще пятьдесят лет назад?

– Не всё так просто, как написано в учебниках истории,

Ганс. У нас есть Имперское министерство восточных территорий, которое регулярно отчитывается перед Германией о своих успехах по освоению покоренных земель, но в жизни всё обстоит совсем не так.

Немецкая речь

– И как же обстоят дела на самом деле, геноссе старший егерь?

– Я же тебе уже говорил, что мы находимся на территории проживания наших врагов. Что это означает? А означает это следующее: война, которую мы выиграли пятьдесят лет назад, на самом деле не закончилась. Она продолжается на территории комиссариата. Русские регулярно бегут с рудников и заводов, собираются в банды и грабят наши поезда, машины, склады и опорные пункты контроля территории. В общем, ведут вредительскую работу, им активно помогают американцы. А во главе этого движения стоит большевистское подполье с их партийными лидерами.

– Но в Рейхе же не осталось большевиков. Всех депортировали в США по условиям мирного договора 1944 года.

– Не все они захотели ехать в Америку, Ганс. Кто-то просто сбежал, до сих пор скрывается в лесах Сибири, пытается бороться с режимом и вернуть контроль над утерянными территориями. Они используют местных как инструмент: вербуют их в диверсанты, организуют подрывную пропаганду среди молодежи, особенно рабочей. Распространяют пропагандистскую литературу, подстрекающую к бунту против нас. В ней утверждается, что все национальности равны меж-

ду собой, что нет сверхлюдей и недочеловеков.

– Очевидная чушь! Это всё равно что доказывать, будто волк не ест мясо или петух несет яйца. Разве в это можно верить? Разве за это можно бороться? Что ты думаешь, Николай?

– Мы, русские, народ противоречивый, нас сложно понять. Мы сами порой не понимаем, чего хотим. Понимаете, господин Ганс, русские – как дети: наивны, доверчивы, забывчивы, их очень легко обмануть. Нам нужен хороший хозяин, тогда мы под его руководством можем показать хорошие результаты. Русских нельзя предоставлять самим себе, иначе мы сами же себе и навредим. Ведь ребенок не понимает, что делает, не разбирается, что хорошо, а что плохо. Ленин, этот страшный человек, поднял русский народ на бунт. Ну и чем всё закончилось? Истреблением всего самого лучшего – интеллигенции: учителей, врачей, ученых. Их или выгнали из страны, или сгноили в лагерях. Ленин так и говорил, что русская интеллигенция – это говно.

– Тогда зачем вы пошли за таким человеком?

– Так он же обещал, что мы будем жить лучше. У Ленина было очень стройное учение о построении бесклассового общества. Мы тогда не знали, что он просто хотел отомстить нашему царю за смерть своего брата.

– Какому царю, за какого брата? Что вы тут чушь какую-то несете!

– Ну, видимо, в вашем учебнике истории про это ничего

не написано, господин Ганс, а у нас об этом даже дети знают. У Ленина был старший брат, тоже революционер, народоволец – так их именовали. Он участвовал в неудачном покушении на царя и был схвачен и казнен. Вот младший братец и дал клятву отомстить. Для этого мятеж и затеял, а нацменов всяких использовал, из них создав свою партию. У нас даже детская считалочка есть, в которой об этом говорится:

Ленин богом решил стать,
Чтоб царя с престола снять.
Прячьтесь все, иду искать,
Чтоб царя жидам отдать.

А устами младенца, как говорится, глаголет истина.

– Тогда вы еще бóльшие дураки, чем мы о вас думаем. Вы себя добровольно отдали под власть недочеловеков, которых всегда презирали как самый грязный и безнравственный народ.

– Да, верно. Они сломали связь времен. Как ржа, разъели духовные скрепы, сцеплявшие наше прошлое с настоящим. В итоге у русских не стало будущего. Наше время остановилось, как эти отцовские ходики, что я пытаюсь безуспешно чинить. За недолгие двадцать пять лет, что большевики были у власти, они переписали всю нашу историю под себя. Заявили, что только благодаря им мы, русские, наконец-то обрели достойное место в истории человечества. Правда, они забыли уточнить, где это место находится. Большевики пришли

к власти под лозунгом «Долой богатых» и действительно их истребили, поэтому к началу Великой войны наш народ нищенствовал. А большевики кормили его сказками о том, что лучшей жизни, чем при советской власти, нет и не может быть. Их уже нет пятьдесят лет – и ничего, живем при вас, немцах, и много лучше живем, чем под комиссарской пятой. Правда, одно плохо...

– Что это тебе в нашем порядке не нравится, русский?

– Будущего не стало, господин оберлейтенант. Вот, к примеру, я учитель, а чему я детей учу? Азам просвещения. А зачем? Только лишь для того, чтобы они могли работать на ваших заводах и рудниках. И что в итоге – тупик. Ни один мой ученик не выбьется в люди, не станет выдающимся человеком. Вам этого не требуется – Рейху нужны лишь покорные исполнительные люди. Рабы.

– Я что-то тебя, Николай, не пойму. То ты говоришь, что вам нужен хозяин, то ропщешь на то, что должен служить нашему фюреру...

– Неужели мы, русские, родились только для того, чтобы вкалывать на рудниках и заводах, выполняя для вас, немцев, самую грязную и трудную работу? И это всё?

– А чего же ты еще хочешь?

– Ведь человек приходит в этот мир не просто для того, чтобы делать грязную работу. Он может творить. А вы, немцы, лишили нас, русских, этого права. Вы запрещаете под страхом смертной казни заниматься искусством. Этот

несправедливо, господин оберлейтенант.

– Почему же, Николай. По-моему, как раз наоборот. Вы, русские, были виноваты в том, что породили моду на дегенеративное искусство в XX веке. Вы заразили своими идеями все европейские страны. Ваши художники по всему миру пропагандировали абстракционизм. С упорством идиотов доказывали, что вместо доброй и проверенной классики и народных традиций нужно создавать новый язык абстрактных форм для новых людей, которых планировали вывести ваши большевики во главе с вашим Сталиным и его комиссарами. Только фюрер сумел остановить распространение красной чумы по всей планете. Ваше безумие заразно, Николай. Вы не имеете право что-либо создавать, ваш разум порождает лишь чудовищ, и это – наглядный признак вашей расовой неполноценности. С неграми – то же самое. Я был в Германском музее антропологии, где выставлены в специальных залах примеры примитивного искусства древних народов, найденные на раскопках. Так вот, то, что ваши художники творили и выдавали за высокое искусство, на самом деле ничем не отличалось от негритянских изделий. А о чем это нам говорит, Николай?

– Не могу знать, господин оберлейтенант.

– Это означает, идиот, что самостоятельно вы ничего создавать не можете. Ваш коллективный разум – разум пятилетнего ребенка, не отличающего мазню от расово здорового искусства. Ребенка, готового ради своей прихоти уничто-

жить мать родную, продать отца в рабство или убить брата. Вы опасны, понимаешь, как душевнобольные: они не отличают действительность от своих фантазий. Вы не обладаете памятью. Это у вас врожденный дефект, изъян природы. Поэтому-то вы и недочеловеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.